

Е.С. Языкова

Новосибирский государственный педагогический университет

Фактор адресата в интерпретации чужой оценки

Аннотация: В статье рассматривается влияние фактора адресата на способы выражения чужой оценки. Анализируются три типичные коммуникативные ситуации: адресат, являющийся объектом оценки / адресат, не являющийся объектом оценки; единичный адресат / множественный адресат (публика); адресат – официальное лицо / адресат – частное лицо.

In this article we examine an influence of addressee's factor on the terms of somebody else's appraisal. We analyse three typical communicative situations: addressee as an object of appraisal / addressee, who is not an object of appraisal; single addressee / plural addressee (public); addressee – official person / addressee – informal person.

Ключевые слова: адресат, оценка, оценочный дискурс, чужая оценка, коммуникативная ситуация, речевой акт, интерпретация, речевые стратегии, чужая речь.

Addressee, appraisal, appraisal discourse, somebody else's appraisal, communicative situation, speech act, interpretation, speech strategy, somebody else's speech.

УДК: 811.161.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллойская, 28. НГПУ, филологический факультет. Тел. (383) 2441072. E-mail: yazekaterina@yandex.ru.

Объект данного исследования – оценочный дискурс, а именно чужая оценка, под которой мы понимаем оценочное высказывание субъекта (S_1), которое впоследствии воспроизводится вновь другим субъектом (S_2), являвшимся в первом речевом акте адресатом или адресатом-объектом оценки.

В исследовании чужой речи [Чумаков, 1975; Винокур, 1993; Бахтин, 1995] разрабатываются такие проблемы, как 1) выявление способов передачи чужого высказывания [Чумаков, 1975]; 2) определение механизмов порождения вторичного текста (процессы свертывания, развертывания и переориентации информации) [Чейф, 1983; Лаппо, 1999 и др.]; 3) анализ коммуникативной ситуации, а именно учет фактора адресата и установки говорящего [Слобин, Грин, 1976; Арутюнова, 1981; Рубинштейн, 1998], а также эмоционального состояния участников коммуникации [Кобозева, Лауфер, 1994] и др.

В теории оценки [Вольф, 1982; Арутюнова, 1988; Доценко, 1996; Трипольская, 2001 и др.] накоплен богатый материал, имеющий непосредственное отношение к изучению чужой оценки: 1) выявлены компоненты оценки (обоснованность / необоснованность, степени категоричности, эмоциональность / рациональность и др.) [Вольф, 1982; Арутюнова, 1988]; 2) выделены интенции, реализуемые пересказчиком при репродукции оценочной информации: соотношение своей ценностной парадигмы с парадигмой социума, чужая оценка как средство выражения самооценки и характеристики субъекта оценки, а также способ воздействия на адресата и др. [Доценко, 1996; Трипольская, 2001].

Накопленный репрезентологией и теорией оценки материал позволяет, переосмысливая его, дополняя и уточняя, обратиться к специальному анализу чужой оценки. Репродукцию оценки обуславливают различные факторы, такие как ин-

тенция говорящего, его личностные характеристики, наличие / отсутствие установки на пересказ, форма (устная или письменная) пересказа и мн. др. Мы сосредоточимся на факторе адресата в чужой оценке.

В современной лингвистике адресат рассматривается не как пассивный слушатель, а как активный участник коммуникации, со-автор текста или высказывания [Леонтьев, 1969; Арутюнова, 1981; Кларк, Карлсон, 1986]. Так, в процессе коммуникации говорящий ориентируется на возрастную, социальный уровень адресата, его объем знания по обсуждаемой теме, языковой вкус и т.д. Также форма высказывания определяется прагматическим намерением говорящего воздействовать на адресата: расширить информированность адресата; вызвать изменения в эмоциональном состоянии, взглядах и оценках адресата; повлиять на совершаемые им действия; вызвать эстетический эффект и т.п.

Нами рассмотрены некоторые типичные коммуникативные ситуации: 1) адресат, являющийся объектом оценки / адресат, не являющийся объектом оценки; 2) единичный адресат / множественный адресат (публика); 3) адресат – официальное лицо / адресат – частное лицо.

Задача исследования – проследить, каким образом фактор адресата накладывает ограничения на выбор говорящим языковых средств и стратегий передачи чужой оценки.

Следует отметить, что воздействие фактора адресата сопряжено со многими другими факторами, такими как эмоциональное состояние субъекта, его интенция, установки и др. Факторы влияют друг на друга: так, эмоциональное состояние и фактор адресата обуславливают интенцию, интенция совместно с фактором адресата и эмоциональным состоянием в свою очередь обуславливает стратегию передачи чужой оценки и т.д. Фактор адресата также не может быть отделен от личности говорящего и механизмов памяти.

Фактор адресата связан с фактором присутствия третьих лиц. Под адресатом мы понимаем участника коммуникации, которому непосредственно направлено высказывание и на которого обращено прагматическое намерение говорящего. Под третьими лицами мы понимаем участников коммуникации, присутствующих при передаче сообщения; третьи лица, безусловно, являются «косвенными адресатами» [Кларк, Карлсон, 1986], поскольку говорящий либо учитывает факт присутствия при разговоре третьих лиц («свидетелей»), контролируя себя в выборе языковых средств, либо использует слушателей в качестве инструмента воздействия на адресата, либо, формально адресуя высказывание адресату, имеет целью воздействие – только или в том числе – на слушателя.

Языковым материалом выступают «двойные» контексты: исходный оценочный текст, принадлежащий субъекту (1), и его пересказ субъектом (2). Основным источником примеров передачи чужой оценки – разговорная речь.

Адресат, являющийся объектом оценки

T_1 : <Девушка описывает ситуацию, свидетелем которой она была, своей знакомой>: *Он повел себя как полный кретин. Зачем было это ей говорить? Он же знал, что это ее заденет.*

T_2 <Та в свою очередь пересказывает данное мнение объекту оценки>: Она говорила, *что это не очень справедливо — то, что ты сделал* (разг. речь).

В том случае, когда адресатом вторичного текста является объект отрицательной оценки, пересказчик зачастую добровольно ограничивает себя в выборе языковых средств и стратегий передачи информации, имея целью пощадить чувства адресата. Пересказчик выбирает такую стратегию передачи оценочного текста, которая позволит устранить / смягчить отрицательные коннотации, что сопровождается заменой эмоциональной оценки на рациональную, снижением категоричности оценки, иногда – добавлением, усилением положительных коннота-

ций и т.д. Так, в вышеприведенном примере происходит устранение эмотивно-оценочного компонента: в частности, в пересказ не попадает характеристика «*полный кретин*»; кроме того, пересказчик добавляет смягчающий коннотацию компонент «не очень», тем самым снижая категоричность оценочного высказывания.

Стоит отметить, что встречаются и противоположные случаи – дословная и усиленная передача отрицательной оценки ее объекту. Стратегия дословной передачи негативной оценки, по нашим наблюдениям, чаще обуславливается фактором установки (вынужденный пересказ) и/или особенностями личности говорящего (стремление передавать информацию без изменений, таким образом не присоединяясь к ней). Стратегия усиления отрицательной оценки чаще всего определяется фактором межличностных отношений пересказчика и объекта оценки (реализуются интенции обидеть, оскорбить и т.д.) и/или особенностями личности говорящего (стремление к преувеличению).

Адресат, не являющийся объектом оценки

«За спиной» объекта оценки пересказчик более свободен в выборе языковых стратегий и языковых средств выражения оценочного содержания.

T_1 <После спортивного соревнования по фехтованию тренер проигравшему игроку >: *Ну ничего-ничего, в следующий раз получится.*

T_2 <Свидетеля разговора спрашивает другой игрок команды: «А тренер что сказал?»>: *Ничего не получилось. **Облажался, короче.***

T_3 <Этот же свидетель позже рассказывает другим игрокам>: *А че тренер? **Облажался, говорит.*** (разг. речь).

В исходном оценочном тексте T_1 имплицитно выражен смысл «*не получилось*» («*в следующий раз получится*» = «*в этот раз не получилось*») и эксплицитно выражено утешение и подбадривание («*ничего-ничего*», «*в следующий раз получится*»). По сути, оценка отсутствует, есть только констатация факта, при этом использована коннотативно нейтральная лексика. Общий тон высказывания не порицательный, а, скорее, утешительный.

Автор репродуктивного текста T_2 выбирает только один смысл – «*не получилось*», имплицитно присутствующий в исходном тексте, – и добавляет свою оценку событий, используя жаргонное слово с яркой отрицательной коннотацией «*облажался*». Все сочувствующие и подбадривающие интонации потеряны, что объясняется иными, чем у автора исходной оценки, интенциями пересказчика и иными его отношениями с адресатами (особенно важен тот факт, что адресаты не являются объектами оценки).

В третьем оценочном тексте T_3 , являющимся, по сути, пересказом пересказа, автор приписывает свою оценку автору исходного текста. Произошел интересный процесс, связанный в том числе с механизмами памяти: вскрыта имплицитно заложенная оценка событий («*не получилось*») → говорящий передает оценку при помощи близкого, подходящего, с его точки зрения, слова «*облажался*» → при воспроизведении оценки субъект вспоминает уже не исходный текст, а свою трактовку событий.

Единичный адресат / множественный адресат (публика)

T_1 <Шоу «Народный артист-3», жюри участнице>: *Я не могу составить о Вас никакого мнения. Попробуйте спеть другую песню. Может, эта Вам просто не подходит.*

<Участница поет другую песню.>

– *Нет. Мне кажется, в Вас не хватает огня. Песня тут не причем.*

– *У меня голос меццо-сопрано!*

– *Меццо-сопрано есть, а огня нет.*

T_2 <На вопрос журналистов «Ну как?»>: В жюри сидят непрофессионалы! Они, они... не оценили мой голос... У меня меццо-сопрано!.. Я... *Они сказали, что во мне, видите ли, огня не хватает.*

В данной коммуникативной ситуации у говорящего субъекта специфический адресат: с одной стороны, это журналист, выступающий в амплуа сочувствующего, который предлагает дружескую модель общения (прямой адресат); с другой стороны, это зрительская аудитория, которая, в свою очередь, складывается из таких же конкурсантов, членов жюри, родных, близких и друзей пересказчика, а также незнакомых людей (косвенные адресаты). В значительной степени на автора влияет фактор присутствия «свидетелей» (как прямых – операторов, ведущих и т.д., так и косвенных – зрителей), имеющих возможность сравнить исходный текст и его пересказ.

Автору вторичного оценочного текста под влиянием фактора публичности (под публичностью мы понимаем такой тип коммуникации, адресатом которой является большое количество людей [Языкова, 2008]) приходится, во-первых, ориентироваться на усредненную языковую личность адресата, во-вторых, несмотря на эмоциональное состояние переживания неудачи, в значительной степени сдерживать себя.

Таким образом, говорящий, чьим адресатом является публика, ограничен в выборе языковых средств и стратегии передачи оценки; процесс ограничения виден, например, в оборванных фразах (*Они, они... Я...*). Пересказчик вынужден использовать коннотативно нейтральную лексику и прибегнуть к стратегии практически дословной передачи оценочного текста (*Меццо-сопрано есть, а огня нет* → *Они сказали, что во мне, видите ли, огня не хватает*). При этом говорящий добавляет вводный компонент «видите ли», что позволяет выразить оценку передаваемому тексту (категоричность первичной оценки снижается) и авторам этого текста (происходит дискредитация авторов первичной оценки).

Адресат – официальное лицо / адресат – частное лицо

T_1 <Директор одной из новосибирских компаний дал интервью журналисту делового издания, однако материал, написанный журналистом, ему не понравился. Сотруднице компании поручено получить экспертную оценку данного материала у журналиста, чьему мнению директор доверяет. Экспертная оценка (высказанная устно по телефону) следующая>: *«На мой взгляд, текст непрофессиональный: присутствуют лексические, фактические ошибки, не соблюдена логика... По моему мнению, стиль не соответствует стилю делового издания. Насколько я знаю Антона Владимировича, он так не говорит, а журналисту не удалось передать особенности его речи».*

T_2 <Пересказ сотрудницей мнения эксперта, адресат – директор>: *«По мнению И.С., текст непрофессиональный: в нем много лексических, фактических ошибок, текст не соответствует заданному стилю, у журналиста не получилось передать особенности Вашей речи».*

T_3 <Пересказ того же текста коллеге, с которой говорящего связывают дружеские отношения>: *«Такую, говорит, фигню он написал. Просто ужас. Отсебятина полная»* (разг. речь).

Автор первичной оценки дает рациональную, аргументированную оценку, использует коннотативно нейтральную лексику, при этом актуализирует категорию авторизации (*на мой взгляд, по моему мнению*).

Автор вторичного оценочного текста, которому была дана установка – запомнить и передать слова эксперта, – воспроизводит текст практически дословно (синонимическая замена *не удалось* → *не получилось* связана с особенностями

памяти – невозможностью сохранять информацию в исходном виде), актуализируя опять же категорию авторизации (*по мнению И.С.*).

При воспроизведении этого же текста адресату, с которым у говорящего дружеские отношения, пересказчик позволяет себе значительно изменить исходную оценку: доминирующий компонент оценки в данной интерпретации – эмоциональный (*Такую, говорит, фигню он написал. Просто ужас. Отсебятина полная*), соответственно, используется экспрессивная лексика, характерен и выбор синтаксических конструкций – неполных предложений.

Рассмотренные ситуации передачи чужой оценки позволяют обнаружить влияние фактора адресата на выбор языковых средств говорящим в случаях, если: а) адресат выступает как объект оценки, б) представляет собой публику (адресат множественный), в) с адресатом говорящего связывают официальные отношения, автор вторичного оценочного текста склонен либо передавать оценку дословно, либо «фильтровать» ее (устранять и/или смягчать отрицательные коннотации, заменяя эмоциональную оценку на рациональную).

Следует заметить, что рассмотренные случаи не исчерпывают всего множества коммуникативных ситуаций, в которых фактор адресата обуславливает интенции говорящего и, соответственно, модель построения вторичного оценочного текста.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Бахтин М.М. Человек в мире слов. М., 1995.
- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1982.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М., 1996.
- Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 270–322.
- Кобозева И.М., Лауфер М.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
- Лаппо М.А. Высказывания с семантикой состояния: непосредственное описание и описание-воспоминание. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999.
- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Рубинштейн С.Л. Память // Психология памяти. М., 1998.
- Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976.
- Трипольская Т.А. Языковая интерпретация чужой оценки // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб., 2001.
- Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12. Прикладная лингвистика.
- Чумаков Г.М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975.
- Языкова Е.С. Фактор публичности в интерпретации чужой оценки // Комментарий и интерпретация текста. Новосибирск, 2008. С. 352–361.